

44-135

Кузьма Чулгасы

ДЯДЯ СТЁПА

ЧУВАШГОИЗДАТ
1944.

ЧУВАШСКАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
в Чебоксарах Чувашской АССР

ДЯДЯ СТЕПА

Три года я не был в Ямашском лесу. За это время развелось там множество всякого зверья и птиц. Всюду носились зайцы, в густых зарослях жили лисицы, по глубоким лощинам стадами бродили медведи.

Не только жители, но и охотники наши боялись ходить в лес; некоторые не решались выходить даже далеко за гумно. Однажды Василий Хвастун, увидев в глиняном овраге несколько медведей, с испугу запер среди белого дня ворота и просидел в избе до поздней ночи. Над ним даже ребята смеялись.

А я не боюсь зверей, это все знают. Однажды я пошёл на охоту в лес. День был ясный, тёплый. Солнце припекало, грязь на дороге высохла. Итти было легко.

Скоро я дошел до леса и прямо направился к Устюкскому оврагу. Этот овраг глубокий, на склонах его лежат громадные камни — голыши — величиной с небольшой домик.

Сверху камни обросли мхом, который напоминает волчью шерсть. Под этими камнями много медвежьих берлог.

Дойдя до оврага, я присел на пенёк и вспомнил, что ружьё у меня заряжено мелкой дробью. Я перезарядил его картечью. Мелкой дробью медведя не убьёшь.

Долго я бродил по лесу, но не встретил ни одного зверя. Даже зайца не встретил.

«Уж не чувствуют ли меня медведи и другие звери, — думаю, — не спрятались ли? Надо скорее спуститься в овраг и выгнать медведей из берлог», — решил я и стал искать удобного места. Прошёл шесть-семь километров и добрался до самого конца оврага, но и там не нашёл такого места. Обидно даже стало, так обидно, что решил уйти домой.

Вдруг среди засохшей травы заметил я какой-то цветок. Яркие и большие лепестки его сразу же закрылись, как только я подошел и нагнулся над ним, чтоб полюбоваться. Этот цветок стыдится меня, — подумал я. — Это какое-то волшебное растение, надо взять его с собой,

посадить дома в горшочек и поставить на окно, чтобы все удивлялись“.

Хотел я сорвать растение, но не смог. Корни его были очень длинные, ветвистые, под густой травой их сразу и не разглядишь.

„А нет ли, — думаю, — около него выпавших семян?“

Пошарил по траве, нащупал корень потоньше, а на конце его чашечку, величиной в лесной орех. Внутри чашечки находилось блестящее зёрнышко не более горошины. Я обрадовался.

„Лучше зернышки эти соберу, посажу в грядки и вырастут такие же цветы“.

Но не успел я дотронуться до зернышка, как чашечка съежилась и закрыла его.

„Что это за растение, уж нет ли у него глаз?“ — подумал я.

Спрятался за дуб и стал ждать. Через минуту цветок опять раскрылся. В это время прожужжал мимо меня жук

и сел на чашечку. Я глядел, не отрывая глаз. Чашечка
вмиг сомкнулась и поглотила жука.

„Что с ним будет?“ — думаю.

Вот опять раскрылась чашечка, и я увидел, как оттуда
выпали остатки жука: рожки да ножки. Вот так история!
Я забыл и про медведей и про всех зверей, всё думал
о волшебном цветке.

„Если размножить это растение, будет огромная польза—
ведь оно уничтожит жучков, мух и мошек, которые летом
покою не дают ни людям, ни животным“.

Я выдернул цветок с корнем, на конце которого была
чашечка, быстро выковырял зернышко и съел. Зернышко
было хотя незрелое, но очень сладкое. Никогда я такого
не пробовал.

Что случилось со мной? Веки мои отяжелели, глаза
стали закрываться, я начал часто зевать—спать сильно
захотелось. Нарвал я охапку травы, подложил под голову,
лег и заснул.

Страшный сон приснился мне. Будто ходит по Ямаш-

скому лесу невиданный сказочный великан, как шагнет — семь километров пройдет! Вот шагнул он ко мне, и я чуть не угодил ему под ноги. Закричал я от страха и проснулся. Вскочил, сел и ничего сообразить не могу.

Где я? Кто я? Батюшки мои! Сажу я высоко над лесом, верхушки деревьев едва касаются моей бороды. Внизу лес, кругом — лес. Что такое?

Волосы дыбом поднялись на голове, когда я взглянул на свои ноги: они выросли и протянулись далеко за лес — чуть ли не до самой деревни. А на их пути всюду пораскиданы деревья, будто смятая трава.

А когда я поднялся на ноги — голова моя очутилась в темной грозовой туче. Лес был ниже моих колен. Я чуть-чуть дунул, и туча около меня рассеялась. Пощупал шапку, она тоже выросла. Кафтан, сапоги, штаны — все стало огромным и широким, как у настоящего великана. И нигде ничего не порвано, все цело.

«Это хорошо!» — подумал я, а то где я достал бы столько денег и материала, чтобы починить или кушить

новое платье? Только вот жалко: лопнул ремень, и ружьё отлетело, куда отлетело оно — право, не знаю. Ведь ни у кого в деревне не было такого хорошего ружья. Обидно. Отыщет его кто-нибудь и станет таким же знаменитым охотником.

Я решил поискать ружьё. Вспомнил, что я лег спать около Устюкского оврага, где и должно быть мое ружьё. Вспомнив это, я сделал один шаг.

Что я наделал? Где я? Где Ямашский лес? Я стою у гумна, что позади деревни Игорвары. Как же попал сюда? Сделал только один шаг и прошел семь километров? Лес сразу кончился. Глянул вниз — лежит в траве мое ружьё. Оно мне показалось не больше карандаша. И как только я его разглядел, не знаю. Значит, очень зорки мои глаза. Взял я ружьё и положил его в боковой карман.

Но как же буду без ружья? Вдруг придется стрелять? Я поспешно начал шарить в боковом кармане — нет ружья. Куда провалилось? Искал, искал, чуть ли не три часа искал и еле-еле нащупал его на самом дне кармана.

Ремня ружейного уже не было, за плечами болталась веревка метров в двадцать длиной, её я взял с собой из дому на всякий случай. Её хватило только один раз обернуть вокруг моего пояса.

Что теперь делать? Захотелось посмотреть мне другие места, другие леса и поля. Вот и начал я шагать. Сделал шаг — семь километров отмахал, сделал второй — опять столько же. Я быстро обгонял поезда, машины и даже самолёты.

Скоро добрался я до Уральских гор и зашагал по их вершинам. Коснулся я головой облаков. Иду и вдруг слышу: у правого уха что-то шумит, звенит. Неужели жук на такой высоте? Протянул руку, схватил что-то: в руке у меня очутился двухмоторный самолёт. Это он гудел, пролетая мимо меня. Заглянул в окно кабины — там полно пассажиров. Они летели в Сибирь, туда, где добывают золото.

Узнав, что я двигаюсь быстрее их, люди попросили меня повести их вместе с самолётом. Я охотно согласился.

Ухватил самолёт за колеса одной рукой и понёс. Пассажиры открыли окна и всю дорогу разговаривали со мной. Через час я дошел до границ Дальнего Востока. Здесь я расстался с ними. Самолёт должен был лететь на север. Пассажиры были очень рады, благодарили меня, что вместо целого дня им пришлось потратить на дорогу только час. Лётчик знал эти места хорошо и посоветовал мне идти на охоту в Уссурийскую тайгу. Показал даже дорогу.

— Но как теперь пустить самолёт? Ведь он не может сразу взлететь, ему надо сначала разбежаться, — говорит мне лётчик. Посадил я самолёт на ладонь и говорю лётчику:

— Я чуть-чуть дуну, помогу вам взлететь.

— Так нельзя, надо пробежать нам по ровному месту, — говорит лётчик и выскакивает из кабины, чтобы посмотреть, ровное ли место на моей ладони.

Вдвоем, с помощником, начали они считать, вымерять длину ладони. Я тут загляделся по сторонам и не заметил, как лётчик провалился в щель между указательным

и средним пальцем. Вдруг я увидел: что-то белое мелькает и медленно идёт вниз. Это был парашют. Я быстро подхватил его снизу, на ладонь. Лётчик не растерялся. Он быстро сложил парашют и повесил его опять на спину. Лётчик даже успел запомнить: длина моей ладони до пальцев составляла четыреста семьдесят восемь метров. Значит до кончиков пальцев еще столько же, а всего почти целый километр будет.

— Как-нибудь пробежим, — сказал он, — ты только стой и не дыши минутку.

Он запустил мотор и направил машину по самой длинной дороге — вдоль среднего пальца, где я ногтем провел след. Самолёт добежал до конца и плавно поднялся вверх. Пассажиры замахали мне платочками, Я стоял, не дышал и чуть не задохнулся, пока самолёт не улетел.

Сделав не более десяти шагов, я добрался до Уссурийской тайги. Тайга эта огромна, как океан, там столько всяких зверей и птиц, что дух спирает при виде их у охотника. Завидев меня, все звери начали прятаться. Я наклю-

нился и схватил одного медведя. Он показался мне не больше котёнка. Посадил я его на ладонь, смотрю, злится медведь, урчит и весь трясётся от страха. Взглянул себе под ноги — там ещё медведь с двумя медвежатами играет. И этих взял. Спрятал медведей в карман, но места там было еще много, можно было поместить еще целый десяток.

Сделав два шага, я очутился у болота, поросшего травой. Смотрю: играют на солнце тигры, желтые пятна на бархатной шкуре светятся, как золото. От тигров поляна кажется светложелтой. Обрадовался я и схватил двух тигров. Они так громко зарычали, что разбудили остальных. В одну минуту все тигры разбежались, а пойманные изо всех сил порывались выскользнуть из моих рук; один укусил меня за большой палец. Я почувствовал легкий укол, будто укусила мышь. Рассердился я и шлепнул тигра по носу. У него показалась кровь. Я не стал больше возиться с ними и сунул обоих в карман.

Через три шага я наткнулся на львов. Они оказались

очень смелыми. Услыхав мои шаги, бросились ко мне и окружили со всех сторон. Один из них зарычал на всю тайгу и вцепился в носок моего сапога. Тряхнул я ногой, и лев отлетел на несколько километров. Испугались другие львы, стали разбегаться, остались около меня только самые большие и смелые. Я не стал больше ждать, забрал их и тоже спрятал в карман.

В этот день я ходил много и набил полные карманы всякими зверями. Когда закатилось солнце за голубые сопки, я почувствовал сильный голод. Что делать? Не прошел я двух шагов, как увидел в лесу большую артель рабочих-лесорубов. Они жили здесь и работали. В столовой для них готовился обед из трех блюд на пятьсот человек. Громадные котлы шипели и дымились.

„Ну, этого обеда мне хватит только на три глоточка“, — подумал я.

Пожалев рабочих, не стал обедать, несмотря на то, что они очень просили обедать с ними вместе.

„Пойду-ка лучше домой и наемся досыта. Наверное

старуха зажарила тетеревиное мясо и давно ждет меня", — подумал я и зашагал в сторону дома.

Скоро завидел я издали Чуратчинскую больницу, которая в пяти километрах от нашей деревни. Новое трехэтажное здание было выстроено в прошлом году и стояло на высоком месте.

Я оглянулся, где мне присесть отдохнуть? Вблизи не оказалось ни одного удобного места. Осторожно я сел на крышу больницы, словно на скамейку, наклонился, легонько постучал в окно, но стекло со звоном высыпалось из рамы. Выбежали люди, увидели великана на крыше, замерли от удивления. Они сразу не узнали меня, но решили, что я пришел за помощью, как больной. Вызвали местную пожарную команду с длинными лестницами и приставили ко мне. Доктора влезли на мою грудь, постукивают молоточками, через трубочки слушают мое дыхание, спрашивают:

— Что болит у тебя?

— Живот болит, — говорю.

— Наверное, съел что-нибудь сырое или неспелое?

Я сказал им, что в Устюкском овраге нашел семена удивительного растения, поел их, лег спать и за ночь вырос в такого великана.

Удивились доктора и стали думать, как меня сделать прежним, таким же, как все люди.

— Я придумал, — вскричал один старый доктор, — ему надо дать касторки, тогда те семена выйдут, и он делается маленьким.

Тут я вынул из карманов несколько зверей.

Доктора сразу перепугались, некоторые даже упали в обморок.

— Не надо бояться, — сказал я и спрятал зверей в карманы. Долго думали доктора и надумали, что зверям надо дать яду, отравить их.

— Нет, я на это не согласен ни за что, — сказал я. — Хочу устроить в нашем колхозе зоологический сад.

— Ну, тогда ступай, откуда пришел, — рассердились на меня доктора.

— Неужели вы не узнаете меня? — спросил я. — Ведь я — Лапшин Степан.

Они узнали, обрадовались, протягивают мне руки, но я никак не мог их пожать, так они были малы, я только смог коснуться их своим мизинцем.

— Есть у вас лекарство, которое усыпляет? — спросил я.

— Да, — говорят, — есть.

— Так вот и дайте его зверям моим понюхать, они заснут, а в это время сделаете меня маленьким.

Они согласились, усыпили всех зверей и уложили их на дворе больницы. Накрыли зверей брезентом, чтоб ночью они не простудились. Потом приставили самую длинную лестницу к моему рту и стали носить ведрами касторку и выливать мне в рот. Двадцать шесть ведер выпил я, и скоро мой желудок очистился. Опять стал я маленьким, поблагодарил докторов и побежал скорей в колхоз за подводами, чтобы увезти зверей, пока они не проснулись.

Колхозники быстро снарядили в больницу более ста подвод и перевезли зверей к себе в деревню.

Видно, хорошую порцию дали доктору зверям: три дня и три ночи спали они, как убитые. Тем временем колхозники построили для каждого зверя особую железную клетку, осторожно перетащили зверей, заперли клетки на замок.

Так образовался у нас колхозный зоосад. Вокруг клеток мы построили высокий дощатый забор. Над входом прибили вывеску:

Зоологический сад славного
и знаменитого охотника
СТЕПАНА ЛАПШИНА.

Меня колхозники назначили директором зоосада. На торжественное открытие этого сада собралось много народа. Всем хотелось скорей взглянуть на диких зверей из Уссурийской тайги.

Прежде всего я позвал маленьких ребят из колхоза, сам повел их по саду и рассказывал им, как я поймал диких зверей, где они живут и чем питаются. Ребята были очень рады и все время спрашивали, каким образом я сделался знаменитым охотником. Я не успевал отвечать на их вопросы и кратко рассказал им о своих охотничьих приключениях.

Редактор Л. Агаков.

НТ 00512 Подписано к печати 20/1-45 г. Тираж 5000 экз. Заказ 1928

г.Чебоксары, тип. № 1 Упр. полиграфпромыш. при СНК ЧАССР

Цена 1 р 30 к